

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ**.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Къ вопросу о „басмѣ“.

Выясненію вопроса о томъ, что такое была разломанная и потоптанная великимъ княземъ Иваномъ III «басма»¹⁾, посвящена посмертная статья покойнаго П. М. Меліоранскаго, Что такое «басма» золотоордынскихъ пословъ хана Ахмата? (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. XVII, 0129—0141). Представивъ обзоръ мнѣній объ этомъ предметѣ, П. М. Меліоранскій пришелъ къ заключенію, что «по всѣмъ даннымъ это была булла, т. е. особаго рода печать съ изображеніемъ ханскаго лица или можетъ быть всей фигуры хана». Матеріалъ былъ собранъ П. М. Меліоранскимъ съ большою полнотою и мы въ настоящей замѣткѣ намѣрены лишь пѣсколько расширить его и пожалуй ограничить опредѣленность вывода, которая можетъ показаться рѣшающей въ глазахъ не-ориенталистовъ и незнакомыхъ съ мусульманскими древностями. Прибавимъ, что мы вполне раздѣляемъ мнѣніе, согласно которому «въ виду неясности самаго текста извѣстія, вопросъ о басмѣ приходится считать пока нерѣшеннымъ» (Зап. Вост. Отд. XVII, стр. XVIII).

Прежде всего пѣсколько соображеній общаго характера относительно значенія слова басма. Мы думаемъ, что въ этомъ словѣ никоимъ образомъ нельзя видѣть опредѣленный терминъ ордынской дипломатики. Авторъ Казанскаго Лѣтописца зналъ татарскій языкъ, но писалъ не переводъ оффиціальныхъ актовъ, а исторію. Какъ всѣ люди древней Руси, знавшіе восточные языки (напр. до. Никитишъ и др.), онъ могъ охотно, въ цѣляхъ щегольнуть своимъ знаніемъ, поставить для обозначенія опредѣленнаго понятія татарское слово вмѣсто русскаго. Поэтому, мы сомнѣваемся въ правильности заключенія относительно аналогіи съ буллою и перенесенія названія басмы съ печати на всю грамоту. Еще Карамзинъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что ярлыкъ означаетъ грамоту, пишаль — печать, а басма просто оттискъ. Подтверженіе этому мы находимъ въ старорусскихъ документахъ, современныхъ событію и точно передающихъ термины ордынской дипломатики: разумѣемъ памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства къ Крымскою и Ногайскою ордами и Турціей, изданные Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ²⁾. Здѣсь мы встрѣчаемъ какъ

1) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIX, 200—203; ср. и Г. Кунцевичъ, Исторія о Казанскомъ царствѣ или Казанскій лѣтописецъ, СПБ. 1905, 213—221.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціей, томъ I, съ 1474 по 1505 годъ, эпоха сверженія монгольскаго ига въ Россіи, изд. подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова (Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 41, СПБ. 1834).

русскія названія — грамота, печать, такъ и татарскія — ярлыкъ, пишавъ: грамоты или ярлыки съ синими пишанами (105 сл., 123 сл. и др.), жиковинные¹⁾ пишаны (273 сл. и др.), червленныя печати (449), жиковинныя печати (519) и т. д.²⁾ Басма же, какъ терминъ и какъ слово, здѣсь совершенно неизвѣстна. Это слово означаетъ оттискъ, отпечатокъ и ничего болѣе. Какого же рода оттискъ — вопросъ, открытый для разнаго рода болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Во всякомъ случаѣ, мнѣ представляется наименѣе вѣроятнымъ, чтобы въ Казанскомъ Лѣтописцѣ словомъ басма означалась грамота, ярлыкъ. Тѣ же соображенія общаго характера возбуждаютъ наши сомнѣнія и относительно тождества басмы съ буллой, печатью. Совершенно правильно возражая противъ распространеннаго вообще мнѣнія объ отсутствіи изображеній людей въ мусульманскомъ искусствѣ, П. М. Меліоранскій указывалъ фигурныя изображенія атабекскихъ, ортукидскихъ и сельджукидскихъ монетъ по каталогу султанскаго Константинопольскаго Музея Исмаила Галиба. Отожествляя басму съ печатью, можно привести еще болѣе близкія по существу данныя — не нумизматическія, а сфрагистическія. Укажу хотя-бы на замѣчательнѣйшую публикацію послѣдняго времени въ области мусульманской сфрагистики — каталогъ свинцовыхъ печатей того-же султанскаго Музея въ Константинополѣ, принадлежащій перу Халиля Эдхема³⁾. Здѣсь, кромѣ интересной Каквейхидской печати съ изображеніемъ всадника (стр. 31), можно указать рядъ печатей арабо-византійскихъ (стр. 42 сл.), имѣющихъ фигурныя изображенія и принадлежащихъ Хамданидамъ. Однако, какъ эти монеты, такъ и эти печати, имѣютъ иное происхожденіе; относительно же собственно золотоордынскихъ монетъ было уже указано, что человѣческія изображенія на нихъ представляются чрезвычайно рѣдкимъ и совершенно исключительнымъ явленіемъ⁴⁾. Тѣмъ менѣе извѣстны намъ носящія человѣческія изображенія золотоордынскія печати. Приведу еще одно дополнительное замѣчаніе спеціальнаго характера. Уже П. М. Меліоранскій отмѣтилъ, что по своему назначенію була должна быть такъ или иначе удаляема. Поэтому, врядъ

1) Жиковина или жуковина — перстень съ рѣзной вставкой.

2) Тѣ же термины встрѣчаются и во II томѣ того-же изданія, 1508—1521 года, изд. подъ ред. Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана (Сбор. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 95, СПб. 1895).

3) *قسطنطينیته، قورشون مهر قتالوغی، خلیل ادهم*, ۱۳۲۱ (1903—1904).

4) Напр. X. М. Френъ, Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды, СПб. 1832, 35 и табл. XII, № 7 и П. С. Савельевъ, Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джалаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша, 1857—1858, 339. Въ Золотой Ордѣ, по словамъ П. С. Савельева (о. с. 156), обращались въ небольшомъ количествѣ и подражанія византійскимъ монетамъ — между джучидскими монетами встрѣчались поддѣлки *асуръ* Комниновъ съ изображеніями императора верхомъ и св. Евгенія.

ли было особенно тяжкимъ проступкомъ разломать ее и бросить. Въ текстѣ же это сопоставлено съ оплеваніемъ и потоптаніемъ — «плевавъ на ню, низлома ея и на землю поверже, и потопта ногама своимъ».

П. М. Меліоранскій не считъ возможнымъ принять наиболѣе распространенное мнѣніе¹⁾, что басма была изображеніе хана, кукла или статуя, и мы вполне присоединяемся къ этому. Тогда же онъ обосновалъ свой скептицизмъ главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что если бы это была статуя хана, Иванъ III не могъ бы изломать ее руками и растоптать, такъ какъ этого нельзя сдѣлать ни съ металлической, ни съ каменной, ни съ деревянной статуей. По поводу послѣдняго я имѣю сдѣлать небольшое дополненіе. Несомнѣнно, что разсказъ лѣтописи о мученической смерти Михаила Черниговскаго основанъ на реальномъ фактѣ существованія идоловъ или статуетокъ, связанныхъ съ культомъ душъ умершихъ предковъ у шаманистовъ. Плано Карпини, Рубруквиць, Марко Поло оставили намъ достаточно подробныя описанія этихъ идоловъ и какъ лама Галсанъ Гомбоевъ²⁾, комментировавшій это мѣсто у Карпини, такъ и знаменитый комментаторъ Поло Юль³⁾, отождествляли ихъ съ бурятскими онгонами. Съ этими же идолами стоятъ въ связи сказанія о статуяхъ или изображеніяхъ хановъ, на которыя указывали, по поводу сообщенія П. М. Меліоранскаго, Н. И. Веселовскій (Зап. Вост. Отд. XVII, стр. XXV) и пишущій эти строки (статья П. М. Меліоранскаго, 0137, прим.). Вышеупомянутые путешественники разсказываютъ и о матеріалѣ, изъ котораго дѣлались эти идолы: въ повозкахъ находились статуетки изъ *войлока*, изображавшія умершихъ и одѣтыя въ богатые ткани. Такимъ образомъ, если бы басма была подобнаго рода статуеткой изъ затвердѣвшаго, засохшаго или склеен-

1) Что касается до мнѣній архимандрита Леонида и Нарбутта (указанныхъ также при словѣ «басма» въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, XIX, 527), отрицавшихъ тожество басмы съ ханскимъ или лица его изображеніемъ, то мы также вполне раздѣляемъ сомнѣніе П. М. Меліоранскаго. Онъ достаточно ясно указалъ неопредѣленность вывода архимандрита Леонида. Сомнѣній возбуждаетъ и самый памятникъ — ярлыкъ Ахмата-царя ко Ивану, напр. начало его: «Отъ высокихъ горъ, отъ темныхъ лѣсовъ, отъ сладкихъ водъ, отъ чистыхъ полей...». Источникъ извѣстія Нарбутта дѣйствительно въ высшей степени подозрителенъ. Ларчикъ съ восковымъ оттискомъ ханской ноги, везомый въ парадной процессіи на верблюдѣ, напоминаетъ намъ сходные обряды мусульманскаго Востока, напр. египетскій *махмаъ* (о немъ см. хотя бы Th. P. Hughes, A dictionary of Islam, London, 1895, 306—307). Съ такой же церемоніей былъ вѣроятно пересанъ изъ Египта золотородынскому хану Берке экземпляръ Корана («въ обложкѣ изъ краснаго, шитаго золотомъ атласа и въ футлярѣ изъ кожи, подбитой шелкомъ» — см. В. Г. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, СПб. 1884, 51 и 60—61).

2) Галсанъ Гомбоевъ, О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано-Карпини, Труды Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., IV, 1859, 236 сл., спец. 246—8.

3) H. Yule, The book of ser Marco Polo, vol. I, London, 1903 (3-d edition), 256—259.

наго войлока, Иванъ III свободно могъ бы изломать и истоптать ее. Мы, однако, также не можемъ принять мнѣніе, отождествляющее басму съ подобнаго рода идоломъ, но исходимъ изъ болѣе общихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что какъ ни мало знакомы мы, за отсутствіемъ разработки памятниковъ и литературныхъ извѣстій, съ золотоордынской культурой, можно не колеблясь утверждать, что она значительно измѣнилась за время между XIII и XV вѣками. Если бы рассказъ о басмѣ относился къ XIII вѣку, то отождествленіе ея съ войлочной куклой еще было бы возможно, но врядъ-ли подобнаго рода предметы существовали въ татарскомъ обиходѣ въ XV вѣкѣ, особенно же въ официальныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Кромѣ приведенныхъ, существуетъ еще одно объясненіе басмы или, вѣрнѣе, предположеніе, принадлежащее В. В. Григорьеву и высказанное имъ въ изслѣдованіи о ханскихъ ярлыкахъ русскому духовенству¹). Передавая сообщеніе Марко Поло о воскуреніи ладона «передъ картиною, на которой написано было имя императора Хубилая», Григорьевъ задается вопросомъ: «не имѣетъ ли эта китайская церемонія чего нибудь общаго съ поклоненіемъ *басмъ*, о которомъ говорятъ наши лѣтописцы?» Церемонія, вызвавшая вопросъ Григорьева, описывается у Марко Поло слѣдующимъ образомъ (пер. И. П. Минаева, 133—134): «Идутъ къ разукрашенному алтарю; стоятъ на немъ красная дщица съ именемъ великаго хана, да прекрасная куряльница; благоговѣнно воскуряютъ той дщицѣ, а послѣ того возвращаются на своя мѣста». Юль приложилъ къ своему переводу Марко Поло интересное примѣчаніе къ этому мѣсту, разъяснивъ, что въ 1263 году Хубилай принялъ китайскій способъ поклоненія табличкамъ предковъ, и давъ указанія относительно церемоніи многократнаго паденія ницъ въ знакъ почтенія²). Подробно эта церемонія описана въ примѣчаніи перевода Потье, который далъ интересныя выдержки изъ церемониала Юаньской династіи³). Итакъ, дѣло идетъ не о портретѣ, а о дощечкѣ съ вырѣзаннымъ, вытисненнымъ или написаннымъ именемъ хана, что ближе къ басмѣ, чѣмъ картина, какъ понималъ этотъ предметъ Григорьевъ. Согласно разъясненіямъ о Палладіи въ статьѣ Банзарова, о которой я скажу дальше, матеріалъ, изъ котораго дѣлалась эта дощечка, могъ быть

1) В. В. Григорьевъ, О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству, Сбор. Россія и Азія, СПб. 1876 (вышло отдѣльно еще въ 1842 г.), 182, прим.

2) О. с. 392—393.

3) G. Pauthier, Le livre de Marco Polo, I, 1865, 295—296; церемониалъ Юаньской династіи прим. на стр. 290—297. Присутствовавшіе сановники имѣли при себѣ дощечки изъ слонової кости, которыя, согласно указанію церемоніймейстеровъ, вкладывали въ пояса и вынимали.

достаточно прочесть. Именно, о Палладій пишетъ: «До династія Хань (съ 206 до Р. Х. по 23 по Р. Х.) у китайскихъ императоровъ символомъ ихъ власти была такъ называемая вѣрительная дощичка изъ краснаго нефрита, длиною 3 фута и шириной въ 8 дюймовъ; на обоихъ краяхъ ея было по отверстію для снурковъ изъ бѣлаго нефрита». Надписи, приводимыя о Палладіемъ, гласятъ: «неба повелѣніемъ императора вѣрительная печать» и «принялъ волю отъ неба», не упоминая имени. Во всякомъ случаѣ, матеріалъ «красной щички» Марко Поло вѣроятно былъ красный нефритъ. Гораздо болѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ дощечкахъ могутъ конечно дать спеціалисты по китайскимъ древностямъ.

Съ этимъ предметомъ находятся въ связи другіе, гораздо болѣе извѣстные въ русской и мусульманской археологіи, — тѣ вѣрительныя дощечки, такъ называемыя «пайзе», которыя монгольскіе ханы выдавали съ той или иной цѣлью своимъ подданнымъ. Объясненіе «пайзе», извѣстія о нихъ и литература подробно приведены въ примѣчаніи Юля къ тексту Марко Поло¹⁾. Въ русской литературѣ, кромѣ отдѣльныхъ описаній, обстоятельная статья о нихъ написана была Дорджи Банзаровымъ²⁾. Въ этихъ работахъ собраны всѣ необходимыя и возможные указанія и мы не будемъ останавливаться здѣсь на извѣстіяхъ о пайзе вообще, а лишь разсмотримъ ихъ постольку, поскольку они относятся къ Джучидамъ. Прежде всего укажемъ, что мы имѣемъ несомнѣнно золотоордынскіе образчики пайзе, напр. найденную въ Екатеринославской губерніи въ 1848 г. серебряную дощечку съ именемъ хана Абдуллы, правившаго въ XIV вѣкѣ; объ изображеніи на этомъ пайзе мы еще скажемъ дальше. Имѣемъ мы также и извѣстія о золотоордынскихъ пайзе, напр. Джанибекъ даетъ венеціанцамъ «*lais-simum de auro*». Юль отмѣтилъ, что пайзе часто упоминается вмѣстѣ съ ярлыкомъ, какъ орденъ сопровождается патентомъ на него. Въ латинской версіи первоначально написанной по персидски грамоты хана Узбека венеціанцу Андреа Зено говорится о «*baisa et privilegium cum bullis rubeis*» (по объясненію Юля, пайзе и ярлыкъ съ алоу тамгою), а Бердябекъ даетъ «*comandamento (ярлыкъ) cum le bolle rosse, et lo paysam*». Банзаровъ

1) О. с. 351—354.

2) Дорджи Банзаровъ, Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ (Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова, СПб. 1891, 47—65; первоначально напечатано въ Запискахъ Археологическаго Общества, т. II). Дошедшіе до насъ образцы монгольскихъ пайзе подробно рассмотрѣны въ литографированныхъ Лекціяхъ по исторіи монгольской литературы проф. А. М. Позднѣва I, 1896, 124—127 и II, 1897, 129—165; здѣсь издано также второе золотоордынское пайзе (изъ Астраханскаго края) съ именемъ хана Токтогуна (Тохтогу)— II, 151—152 и приведены извѣстія по Юань-ши о пайзе какъ служебныхъ знакахъ (II, 136 сл.) и удостовѣреніяхъ личности посланца (II, 156 сл.).

находить въ русскомъ переводѣ ярлыка Бердябека митрополиту Алексѣю: «байсу да ярлыкъ съ алоу тамгою дали есьмы на утверженіе вамъ»¹⁾. Существованіе золотоордынскихъ пайзе, отдѣльно или вмѣстѣ съ ярлыкомъ, несомнѣнно.

Переходя далѣе къ матеріалу пайзе, отмѣчаемъ прежде всего выписки, сдѣланныя о. Палладіемъ для Банзарова изъ китайскихъ книгъ п касающіяся подобнаго рода значковъ въ Китаѣ. Въ виду большого интереса этихъ выписокъ сообщаемъ буквально текстъ о. Палладія. «При разныхъ китайскихъ династіяхъ», пишетъ онъ: «дѣлали эти таблички или значки изъ металловъ, камней, дерева и даже шелковыхъ матерій. Назначеніе ихъ было также разнообразно: однѣ (*туй* и *тун-цзюань*, грамматы, писанныя золотыми буквами) давали право на вассальное владѣніе; другія (*тяо-цзы*, замѣтка, *гуань-фань*, охранная) означали простое полномочіе или служили охраной, какъ пайзе; иныя (*фу*, вѣрительныя бамбуковыя дощечки) собирали вассаловъ ко двору ихъ верховнаго властелина...» и т. д. Въ дополненіяхъ къ послѣднему изданію Марко Поло Юля приведены извѣстія изъ Матуанлиня о существованіи деревянныхъ пайзе, а также сообщенія Рокхилла о китайскихъ и корейскихъ *ху*, т. е. дощечкахъ, пайзе, дѣлавшихся изъ жадеита, слоновой кости, бамбука и т. д. Хотя эти извѣстія относятся къ Китаю, не нужно забывать, что монгольскія пайзе сближаются съ предметами китайской культуры. «Обычай Пайцзы», говоритъ о. Палладій: «заимствованъ вѣроятно монголами отъ Гипьцевъ»²⁾. Отмѣчаемъ однако, что сходный обычай вызова вассала существуетъ у среднеазиатскихъ народовъ съ глубокой древности. Хотя по китайскимъ извѣстіямъ, китайскіе императоры со временъ Хунь-пу жалуютъ хапамъ «золотую печать съ желтыми шнурами», «золотую государственную печать съ пурпуровыми шнурами», «железную грамоту съ красными буквами» и т. д.³⁾, рядомъ съ этимъ, однако, мы имѣемъ слѣдующее интересное

1) Въ изданіи Григорьева слова «байсу да» пропущены, такъ какъ въ тѣхъ свискахъ, которыми онъ пользовался, этихъ словъ не было, за исключеніемъ Суздальской Лѣтописи, гдѣ стоитъ «вайдуса», издателемъ не разобранное и вынесенное въ примѣчаніе. Какъ извѣстно (Банзаровъ, 63—64), уже послѣ изданія Григорьева, въ Казани, у г. Артемьева, оказалась новая рукопись съ переводами ярлыковъ (шести: 2—7 по нумераціи Григорьева), въ которой ясно читается «байсу да».

2) Кромя примѣчанія Юля см. еще Комментарій архимандрита Палладія Кабарова на путешествіе Марко Поло по сѣверному Китаю съ пред. Н. И. Веселовскаго, СПб. 1902, 38.

3) О. Такинѣвъ Бичуринъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій въ древніе времена, I, СПб. 1851, 74, 118, 463; ср. еще 95—97 (разсказъ о металлической или каменной печати), 108 (государственная и простая печати хану и вельможамъ), 125, 132 (нефритовая государственная печать), 141, 161, 376 (золотыя печати въ видѣ рыбъ съ буквами чистаго золота).

сообщеніе объ обычаях кочевого народа Ухуань (I в. до Р. X. — начало III в. по Р. X.) въ Исторіи Младшаго Дома Хань: «Если старѣйшинѣ нужно призвать кого, то для вѣрности употребляетъ вырѣзанный деревянный жеребеекъ; и хотя нѣтъ буквъ на немъ, со всѣмъ тѣмъ никто въ общинѣ не смѣетъ ослушаться»¹⁾. Вотъ кочевой образецъ пайзе, употребляемый изъ того же матеріала и съ той же цѣлью, какъ китайскіе *фю*²⁾. Дощечки, которыми китайскіе императоры и кочевые владѣльцы собирали къ себѣ вассаловъ и подчиненныхъ, были изъ дерева и тѣмъ отличались отъ другихъ дощечекъ, дававшихъ право на вассальное владѣніе, служившихъ охраной и т. д. По этому случаю вспомнимъ историческія извѣстія о басмѣ.

Согласно изложенію Соловьева, въ 1476 г. пріѣхалъ посолье отъ хана Ахмата звать Ивана III въ орду; Иванъ III послалъ Бестужева неизвѣстно съ какими рѣчами; тогда явились новые послы «просити дани и оброковъ за прошлая лѣта». Итакъ, ханъ вызывалъ великаго князя, — вѣроятно не только первый разъ, но и второй; иначе онъ врядъ ли могъ отвѣтить на отказъ явиться лично. Въ знакъ своего требованія онъ могъ не послать и ярлыка, а просто велѣтъ посламъ передать пайзе опредѣленнаго вида, требуя вассала къ себѣ во исполненіе обычной обязанности уплаты дани. Недаромъ, быть можетъ, говорится, что ханъ «посла... послы своя, по старому обычаю отецъ своихъ, зъ (вариантъ — и зъ) басмою»; о ярлыкѣ же ничего не говорится. Великій князь, взявъ деревянную дощечку, могъ оплевать ее, разломать, бросить на землю и потоптать³⁾.

Вышеприведенныя соображенія, казалось бы, не противорѣчатъ какъ общему ходу лѣтописнаго разсказа, такъ и назначенію басмы, и отождествленію ея съ пайзе является вполне возможнымъ. Отмѣчу, однако, одно обстоятельство, остающееся неяснымъ при этомъ отождествленіи — выраженіе текста лѣтописи «басму лице его (вариантъ — басму лица его)». По этому поводу возникаетъ вопросъ объ изображеніяхъ на пайзе. Кромѣ матеріала, а также иногда и числа вставленныхъ жемчужинъ, монгольскія пайзе отличались изображеніями. По Марко Поло на нихъ изображались львиныя головы, отдѣльно и съ солнцемъ и луной, а также

1) О. с. 152. Жужане отмѣчали число воиновъ на деревянныхъ жеребейкахъ (209). Тугуйцы считали число людей, лошадей, полатей и скота по зарубкамъ на деревѣ, а вмѣсто предписанія на бумагѣ употребляли стрѣлу съ золотымъ копьенцемъ и съ восчаню печатью (269).

2) Возникновеніе пайзе изъ бирокъ предполагалъ и проф. Позднѣевъ, о. с. II, 144.

3) А. А. Спицынъ высказалъ въ мартовскомъ засѣданіи Русскаго Отд. Арх. Общ. предположеніе о тождествѣ басмы съ пайзе.

кречеты¹⁾; у персидских Хулагидовъ извѣстны пайзе съ львиной головой, одной или нѣсколькими, разныхъ степеней и назначеній; на китайскихъ пайзе бывали изображенія императорской печати, а также изображенія тигровой головы, почему ихъ называли *ху-фу*, тигроголовыя дощечки²⁾. Изображенія животныхъ на золотоордынскихъ пайзе вполне возможны, такъ какъ намъ извѣстны таковыя изображенія на джучидскихъ монетахъ. Кромѣ того, укажу екатерипославское пайзе (изданное Банзаровымъ въ его первой статьѣ объ этой дощечкѣ³⁾ и переизданное у Юля⁴⁾, въ верхней части котораго изображена чудовищная, стилизованная голова, несомнѣнно заимствованная изъ китайскаго искусства и являющаяся однимъ изъ древнѣйшихъ и типичнѣйшихъ орнаментовъ его. Мы видимъ его на древнѣйшихъ китайскихъ бронзовыхъ сосудахъ и знаемъ его китайское названіе *тао-те*⁵⁾. Основываясь на вышеприведенныхъ изображеніяхъ, мы должны отмѣтить, что, при существующемъ матеріалѣ, человѣческаго изображенія на золотоордынскихъ пайзе опредѣлить нельзя. Быть можетъ, выраженіе «басма лице его» или «басма лица его» означаетъ, что посланная дощечка равносильна личному приходу хана?

Tao-te на золотоордынскомъ пайзе — примѣръ китайскихъ вліяній на культуру Джучиева улуса. Примѣръ этотъ далеко не единичный. Культура Золотой Орды, кромѣ кочевого быта и многочисленныхъ заимствованій изъ ислама, имѣла тѣсныя связи съ Китаемъ и синологи-археологи могутъ дать намъ въ этомъ отношеніи много новыхъ данныхъ.

К. Иностранцевъ.

Апрѣль, 1908 г.

1) Yule, о. с. 355—356.

2) По приведенному у проф. Позднѣева, о. с. II, 138, китайскому извѣстію, тигръ изображался внизу пайзе, въ лежащемъ положеніи.

3) Bulletin de la classe hist.-phil. de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, V, № 9.

4) О. с. таблица между стр. 354 и 355.

5) См. о немъ F. Hirth, Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst, München-Leipzig, 1896, 8, а также M. Paléologue, L'art chinois, Paris, 1897, 24—26. Hirth называетъ это чудовище «*katzenartige Fratze*». Yule, о. с. 355—356, привелъ отрывокъ изъ Вассафа у Хаммера въ исторіи Ильхановъ, въ которомъ Аргунъ-ханъ даруетъ намѣстнику Шираза оба монгольскихъ символа вассальной власти — «the golden Lion's Head and the golden Cat's Head». Если сообщеніе Хаммера вѣрно, нѣтъ ли здѣсь указанія на *тао-те*?